

DOI: 10.15643/libartrus-2015.5.6

Историческая наука в контексте смены парадигм социально-гуманитарного знания

© И. В. Фролова^{1*}, М. А. Елинсон²

¹Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан
Россия, Республика Башкортостан, 450008 Уфа, ул. Заки Валиди, 40.

²Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

*Email: irina.v.frolova@mail.ru

История как наука развивается в русле научных парадигм и типов научной рациональности. Период институционализации исторической науки относится к середине XIX века, к эпохе «триумфального шествия» позитивизма. Становление «классической» исторической науки было связано с тем, что она перестала быть искусством, статус которого имела с античности. «Классическая история» формировалась как «социальная история». Пересмотр сложившейся «классической» парадигмы истории начался на рубеже XIX–XX веков и был связан с утверждением принципиального различия между социальным, гуманитарным и естественнонаучным познанием. Начала складываться «неклассическая» парадигма социально-гуманитарного знания, оформился концепт «гуманитарной истории». В конце XX-начале XXI веков историческая наука вступила в «постнеклассический» этап. Формируется интегративная парадигма истории, основанная на принципе дополнительности. В рамках этой парадигмы история становится стереоскопичной, приобретая характер «социально-гуманитарной истории».

Ключевые слова: историческая наука, парадигмы социально-гуманитарного знания, социальная история, гуманитарная история, социально-гуманитарная история.

История как наука развивается в русле складывающихся в определенную эпоху научных парадигм и типов научной рациональности. Историки-профессионалы используют аппарат, построенный на определенных научных категориях – исторический факт, историческое время, исторический процесс и т.п. Наряду с этим, они выстраивают предмет исследования не только в зависимости от мировоззренческой установки, доктринальной принадлежности и методологических подходов, но и в зависимости от ангажированности теми или иными политическими силами. Концептуальные модели разных теоретиков истории, отображающие одну и ту же историческую реальность, соотносятся между собой, метафорически отмечают исследователи, как полотна разных художников: особенно если они являются гражданами государств, находившихся в то или иное время «по разную сторону баррикад». В результате множества интерпретаций история предстает в разных образах и измерениях: у каждого своя логика, свой замысел, свои ценности. При этом каждое новое поколение историков по-своему реконструирует минувшее, открывая в нем иные грани. Обнаруживаются факты, неизвестные современникам, иначе выстраиваются аналогии и параллели – происходит новое прочтение прошлого. В этой ситуации возникает ряд вопросов методологического характера – каковы

критерии научности истории? Как в условиях принципиальной плюральности исторического знания сформировать целостную картину этой науки?

Эти вопросы актуализировались в российской исторической науке в течение последней четверти XX – начале XXI века. Несмотря на наличие ряда талантливых отечественных исследователей, разрабатывавших проблемы методологии истории (в числе которых – М. А. Барг, А. А. Тахо-Годи и др.) [1, 12], в советский и позднесоветский периоды на исторических факультетах университетов вопросы методологии исторического познания сводились преимущественно к усвоению марксистско-ленинской теории. Однако уже в 90-е годы XX века и 2000-е годы количество монографических и учебно-методических работ, посвященных теоретико-методологическим аспектам истории, возросло [6, 9]. Одновременно активизировался встречный процесс – представители философского знания более смело включили в область своих изысканий социальные и гуманитарные науки [1, 4, 7, 8, 14, 15], усилив такое направление, как философские проблемы социально-гуманитарных наук. Сформировалось представление о том, что оценка адекватности исторической картины мира невозможна вне того контекста, в котором она формировалась, что усилило интерес к истории исторической науки, к оценке влияния на историка, господствующего в этот период типа научной рациональности.

Период институционализации социально-гуманитарного знания (и истории – в том числе) относится к середине XIX века, к эпохе «триумфального шествия» позитивизма. Можно сказать, что становление «классической» исторической науки было связано с тем, что история перестала быть искусством, статус которого она имела со времен античности. Была провозглашена необходимость ориентации на идеал естественных наук, опирающихся на факты. Несмотря на это, в качестве самостоятельной научной дисциплины, имеющей свой предмет и методологию, история не рассматривалась. С позиций позитивистского подхода она выступала в виде совокупности отдельных событий или фактов. Каждое из них представлялось как определенное, типическое событие или факт, и их объяснение предполагало обнаружение каузальных зависимостей – то есть причин, порождающих аналогичные события. Такие взгляды сформировали специфические представления об историческом факте, транслировавшиеся в рамках позитивистской традиции [9]. Например, в отечественной науке советского периода преобладал именно позитивистский, каузально- дескриптивный подход к истории, а политическая история была вытеснена социально-экономической.

«Классическая история» формировалась именно как социальная наука, как «социальная история» и в немалой степени была связана с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса [7, с. 18]. Действительно, процессы складывания научной историографии и становления капитализма как социальной организации шли параллельно, оформляясь в различные направления изучения капитализма, наиболее мощными из которых стали марксистское и либеральное [3, с. 144].

Результатом реализации позитивистской программы был беспрецедентный прирост зафиксированного исторического знания. Благодаря усилиям историков были систематизированы и изданы многочисленные своды источников, включая хроники, хозяйственные акты, описания археологических коллекций. В 60–80-е гг. XIX века начался процесс дифференциации исторической науки, стали складываться школы и направления, оформилась система профессионального образования. При этом история вплоть до конца XIX века представляла собой «историю-рассказ», «историю-повествование» (нарратив). По мнению современного американского исследователя Х. Уайта [13, с. 34–37; 3, с. 145], в рамках нарративной истории произошло становление четырех парадигм формы, построенных на разных доказательствах –

формистской, органицистской, механистичной и контекстуальной. В случае формистской позиции историк устанавливает уникальность объектов или разнообразие их типов. Во втором случае изображает кристаллизацию некоторой интегрированной сущности из совокупности кажущихся разрозненными событий. Третий – механицизм – склонен рассматривать «ступки» населяющих историческое поле «действующих лиц» как проявление некой сверхисторической силы, возвращая к поиску причинности. Наконец, контекстуализм объясняет события на основе того контекста, в котором они произошли. В области идеологии исторических сочинений XIX века Х. Уайт постулирует четыре позиции: анархизм, консерватизм, радикализм и либерализм [13, с. 42–45; 3, с. 145]. Вполне понятно, что эти типизации являются методологическим приемом, своего рода идеально-типической конструкцией.

Пересмотр сложившейся «классической» научной парадигмы истории начался уже на рубеже XIX–XX веков с утверждения принципиального различия между социальным, гуманитарным и естественнонаучным познанием, и был связан с обострением полемики вокруг проблемы метода и языка науки. Это говорит о начале складывания «неклассической» парадигмы социально-гуманитарного знания, представители которой – философы-неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт – обратились к особенностям «наук о природе» и «наук о духе», к характеристике методологии социально-гуманитарного и естественнонаучного познания, уяснению специфики номотетического и идеографического методов. Если номотетический метод направлен на выявление генерализирующих тенденций, то идеографический метод фиксирует в изучаемом объекте его уникальность (Г. Риккерт считал, что именно этим методом должны вооружиться науки, которые исследуют уникальные события и феномены, в том числе – история). «Неклассическая» парадигма истории вернула в нее субъективистскую окраску, поскольку критерий отбора фактов, согласно взглядам, Г. Риккерта, состоит в отношении индивидуальных фактов к ценности. Историк вполне может пренебречь тем, что для него лишено личной, социальной, научной или иной значимости. Процесс и результат реконструкции событий становится тем самым зависимым от установки исследователя, его ценностных ориентаций. Иными словами, картина реальности, воссоздаваемая историком, субъективна.

Наряду с философами-неокантианцами критиками позитивистского подхода и «классической» парадигмы истории были историки-неогегельянцы – Б. Кроче и Р. Дж. Коллингвуд, которые, будучи органицистами в терминологии Х. Уайта, представляли исторический процесс как историю развития духа. Развивая близкие В. Виндельбанду и Г. Риккертю взгляды, они доказывали, что исторические процессы, в отличие от процессов природных, не могут быть адекватно представлены ни в сознании историков, ни в их интерпретационных схемах. В роли исторических фактов выступают события, давно «канувшие в Лету» и условия, уже не существующие в объективной действительности. Предметом исторического анализа они становятся лишь тогда, когда перестают непосредственно восприниматься. Именно поэтому кредо профессионального историка содержит значительную долю субъективизма: «Историк имеет право и обязан, пользуясь методами, присущими его науке, составить собственное суждение о том, каково правильное решение любой программы, встающей перед ним в процессе его работы» [5, с. 244]. Историк раз за разом осуществляет рефлексии уже изученных некогда фактов под новым углом зрения. В отличие от выводов представителей естественных наук, демонстрирующих общие тенденции, исследовательская позиция историка сопряжена с его собственными суждениями и выводами. Помимо этого, процесс аккумуляции знаний влечет

за собой изменения в эмпирической базе, уточняются методы и теоретические основания исторического исследования, в силу чего ни один результат не будет финальным. Не случайно Р. Дж. Коллингвуд пишет о том, что каждое новое поколение по-своему открывает для себя историю, а историк не просто дает новые ответы на старые вопросы: его задача – по-новому ставить сами вопросы. Используя гераклитовскую метафору, Коллингвуд сравнивает историю с рекой, в которую невозможно войти дважды. Историк, работавший над какой-то проблемой в течение определенного времени, обнаруживает, возвратившись к ней, что изменилась не только проблема, но и он сам - его взгляды, суждения, оценки. Иными словами, избранный историком исследовательский ракурс всегда конкретен, исторически обусловлен и лично окрашен. Эта позиция солидаризируется с феноменологической социологией, с идеями А. Шюца. Напомним, что с точки зрения Шюца, социальный мир в принципе – это мир множества реальностей, а различные индивиды сосредоточивают внимание на его разных аспектах.

Катаклизмы начала XX века подорвали веру в прогресс, в силу человеческого разума, которая была знаменем научно-технической революции. Это привело и к разочарованию в истории, к утрате доверия к ней. Разворот в сторону человека не только как познающего субъекта, но и как главного актора исторического процесса, позволивший «реабилитировать» историю и историков, стал возможным во многом благодаря появлению «новой исторической науки» или школы «Анналов». У истоков этого направления стоят французские историки Л. Февр и М. Блок, выдвинувшие новую концепцию деятельности историка, который должен быть творцом, ставящим научную проблему и определяющим в соответствии с ней отбор фактического материала и исследовательский ракурс.

Школа «Анналов» базировалась на философской методологии, включая инструментарий гносеологии и социальной философии. С одной стороны, это критика «классических» трактовок отношения между историком и историческим фактом; на ней основывалось специфическое прочтение роли историка, близкое взглядам В. Дильтея на соотношение «наук о духе» и «наук о природе», созвучное методологической установке М. Вебера и его концепции «идеальных типов». С другой стороны, для Школы «Анналов» была характерна ориентация на своего рода тотальную историю, включающую исследование ментальностей, историческую антропологию, этнографию. Наряду с вышеизложенным, заслугой этих исследователей была установка на принципиально междисциплинарную практику исторического исследования и социальных наук. Л. Февр активно выступал за объединение усилий представителей разных отраслей социально-гуманитарного знания, поскольку их общая цель состояла в изучении главного субъекта истории – конкретного человека. Достижением школы «Анналов» было возвращение истории ее гуманистического содержания, а вместе с ним – интереса широкого круга читателей. Не случайно в 1970–1980-е годы взрывообразно возросло количество исторических работ, связанных с изучением сознания и поведения как отдельных людей, так и социальных групп. Принципиальная трансформация предмета исследования, целью которого стало изучение человека как активного актора исторического процесса, повлекло за собой необходимость пересмотра понятийно-категориального аппарата и методологии исследования. Все это в совокупности привело к оформлению нового видения истории, внедрившей в свою предметную область человеческое сознание как неотъемлемую структуру социальной жизни. Иными словами, в рамках неклассической парадигмы идет кристаллизация «гуманитарной истории».

Разумеется, представители школы «Анналов» не смогли решить все сложнейшие вопросы методологии истории. Несмотря на включение в исследовательское поле индивидуальной и коллективной психологии, они не исследовали мотивы поведения людей, абстрагировались от идеологии и политики и в этой связи мало внимания уделяли современной истории.

В конце XX - начале XXI веков историческая наука вступает в свой новый – «постнеклассический» этап, что знаменуется новыми методологическими исканиями с опорой на социально-философский дискурс. Еще в середине 70-х годов прошлого века во Франции под руководством Ж. ле Гоффа и П. Нора вышел в свет трехтомник под общим названием «Делать историю». Эта программная публикация продемонстрировала появление новой исторической школы, сделавшей акцент на изучении истории «неисторических народов», демографии, религии, искусства, истории науки. Наряду с «политической историей» ее представители призывали исследовать «историю социальную», а также ввели понятие «концептуальной истории». Под влиянием доминирующей на Западе идеологии либерализма и влившихся в нее философских течений – экзистенциализма, персонализма и антропологических концепций – фокус исследований историков Запада все больше смещается на человека в исторически конкретных обстоятельствах.

В то же время, сама парадигма постнеклассической науки предполагает отход от доминирующих подходов и доктрин. Современная история, подобно другим наукам, еще в большей степени дифференцируется по направлениям и даже по методам: есть историки-фактологи, вводящие в научный оборот малоизвестные факты; историки-концептуалисты, выдвигающие интересные новые объяснения; историки-философы, историки-социологи, историки-экономисты и т.д.

Вторая половина XX века – эпоха оформления постмодернистского дискурса. Перефразируя Г. Зиммеля, можно сказать, что в постмодернистской парадигме история складывается из моментальных снимков, моментов движения, процессов, которые в равной мере составляют взаимное согласование усилий и взаимные помехи. Постмодернизм вернул в вопрос о качественной весомости исторических событий и фактов, закрытый позитивистской традицией и вновь открытой неокантианцами с их идеей соотношения с ценностью. Он очередной раз напомнил, что не существует корреляции между частотой появления и значимостью определенных событий в истории, поскольку лишь будущие поколения способны это оценить. Количественные, метрические показатели, статистика и социологические выборки не всегда могут охватить размах исторических событий и совершенно беспомощны в отношении динамики их саморазвития.

Развивая идеи своих предшественников, представитель постструктурализма и постмодернизма М. Фуко пришел к выводу, что в истории не бывает окончательных истин хотя бы потому, что она не является «цельным знанием», а представляет собой дискурсы научных сообществ. Соответственно, историческое познание не имеет четких значений, а основывается на нормативных ценностях, что приводит к релятивизму научной истины [16]. Постмодернистская парадигма учит исследователя творить, учитывая горизонт «открытой истории».

Подводя итоги, можно резюмировать: если «классическая» историческая наука второй половины XIX века имела характер «социальной истории», «неклассическая» история XX века обрела вид «гуманитарной истории», то во второй половине XX – начале XXI века, в своей постнеклассической ипостаси, она становится «социально-гуманитарной историей». Сегодня оче-

видно, что социальное познание содержит ценностно-смысловой элемент, а значит, субъективность, характерную для познания гуманитарного. В этой ситуации особое значение для анализа прошлого, оценки настоящего и предвидения будущего состояния человека и общества приобретает формирование стереоскопической картины истории, которое возможно на основе принципа дополнительности. Его использование в социально-гуманитарном дискурсе подчеркивает характерную для постнеклассической науки трансдисциплинарность и междисциплинарность.

Автор принципа дополнительности физик Н. Бор считал, что этот принцип должен найти применение во многих областях науки. Сегодня использование принципа дополнительности в социально-гуманитарном познании в целом и в историческом познании – в частности – носит эпизодический характер. В то же время, он может стать основой формулы совмещения различных исследовательских подходов, своего рода интегративной парадигмы, которая позволила бы воссоздать историческую действительность во всей ее сложности и разнообразии [11, с. 4–5]. Результатом ее применения могла бы стать стереоскопическая история, отображающая диалектику общественного развития в ее противоречивом единстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоновский А. Ю. *Социэпистемология*. М., 2011.
2. Барг М. А. *Категории и методы исторической науки*. М., 1984.
3. Бахитов С. Б. Либерализм и марксизм в зеркале постмодернистского объективизма Х. Уайта // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2011. №1(13). С. 144–149.
4. Качанов Ю. Л. *Эпистемология социальной науки*. СПб., 2007.
5. Коллингвуд Р. *Идея истории; Автобиография*. М., 1980.
6. Коломийцев В. Ф. *Методология истории (От источника к исследованию)*. М., 2001.
7. Орехов А. М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса.
8. Резник Ю. М. *Введение в социальную теорию: Социальная эпистемология*. М., 1999.
9. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. *История исторического знания: пособие для вузов*. М.: Дрофа, 2006.
10. Розов Н. С. Достижение доверия к истории: неустранимость эпистемичности и коммуникативно-кумулятивный реализм // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия*. 2013. Т. 11. №3. С. 37–42.
11. Сорокина В. И., Фролова И. В. *Современное социогуманитарное познание: опыт применения принципа дополнительности*. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009.
12. Тахо-Годи А. А. Ионическое и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним // *Классическая филология*. М., 1963.
13. Уайт Х. *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург, 2002.
14. *Философия истории* / Под ред. А. С. Панарина М.: Гардарики, 1999.
15. *Философия социальных и гуманитарных наук* / Под ред. С. А. Лебедева М., 2006.
16. Фуко М. *Археология знания*. Киев: Ника-центр, 1996.

Поступила в редакцию 02.12.2015 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2015.5.6

Historical science in the context of changing paradigms of social and cultural knowledge

© I. V. Frolova^{1*}, M. A. Elinson²

¹*Bashkir Academy of Public Service and Administration
the President of Bashkortostan Republic
40 Validi St., 450008 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

²*Bashkir State University
32 Validi St., 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Email: irina.v.frolova@mail.ru

History, as a science, has been developing in the context of a concrete epoch of scientific paradigms and types of scientific rationality. The period of constitutionalization of social and humanitarian knowledge and history refers to the middle of the 20th century, to the epoch of a triumphal approach of positivism. The formation of a “classical” historical science was connected with the fact, that history was not considered to be an art any more (as it was used to be since ancient time). It was proclaimed, that history should be based on natural sciences, dealing with real facts. The review of a “classical” scientific paradigm of history was stated in the 19th–20th centuries and it was connected with the confirmation of a principal difference between social, humanitarian and scientific knowledge. The discussion of the method and the language of science took the central place. Nonclassical paradigm of social and humanitarian science began to form. At this period, it develops the concept of “humanitarian story”. At the end of the 20th century, the historical science entered postclassical period. This circumstance was accompanied by new methodological approaches with the basis on social and philosophical discourse. Integrative paradigm in history, which is based on the principle of additionality, has been forming. Within this paradigm, history becomes stereoscopic acquiring the character of “social and humanitarian” history.

Keywords: *historical science, paradigms of social and cultural knowledge, social history, humanitarian history, social and humanitarian history.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Frolova I. V., Elinson M. A. Historical science in the context of changing paradigms of social and cultural knowledge // *Liberal Arts in Russia*. 2015. Vol. 4. No. 5. Pp. 381–388.

REFERENCES

1. Antonovskii A. Yu. *Sotsiepistemologiya [Social epistemology]*. Moscow, 2011.
2. Barg M. A. *Kategorii i metody istoricheskoi nauki [Categories and methods of historical science]*. Moscow, 1984.
3. Bakhitov S. B. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2011. No. 1(13). Pp. 144–149.
4. Kachanov Yu. L. *Epistemologiya sotsial'noi nauki [Epistemology of social science]*. Saint Petersburg, 2007.
5. Kollingvud R. *Ideya istorii; Avtobiografiya [The idea of history; Autobiography]*. Moscow, 1980.
6. Kolomiitsev V. F. *Metodologiya istorii (Ot istochnika k issledovaniyu) [Methodology of history (From source to study)]*. Moscow, 2001.
7. Orekhov A. M. *Sotsial'nye nauki kak predmet filosofskogo i sotsiologicheskogo diskursa*.
8. Reznik Yu. M. *Vvedenie v sotsial'nyu teoriyu: Sotsial'naya epistemologiya [Introduction to social theory: Social epistemology]*. Moscow, 1999.

9. Repina L. P., Zvereva V. V., Paramonova M. Yu. *Istoriya istoricheskogo znaniya: posobie dlya vuzov [The history of historical knowledge: textbook for universities]*. Moscow: Drofa, **2006**.
10. Rozov N. S. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. **2013**. Vol. 11. No. 3. Pp. 37–42.
11. Sorokina V. I., Frolova I. V. *Sovremennoe sotsiogumanitarnoe poznanie: opyt primeneniya printsipa dopolnitel'nosti [Modern socio-humanitarian knowledge: an attempt of application of the principle of subsidiarity]*. Ufa: RITs BashGU, **2009**.
12. Takho-Godi A. A. *Klassicheskaya filologiya*. Moscow, **1963**.
13. Uait Kh. *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka [Metahistory: Historical imagination in Europe of the 19th century]*. Ekaterinburg, **2002**.
14. *Filosofiya istorii [Philosophy of history]*. Ed. A. S. Panarina Moscow: Gardariki, **1999**.
15. *Filosofiya sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk [Philosophy of social sciences and liberal arts]*. Ed. S. A. Lebedeva Moscow, **2006**.
16. Foucault M. *Arkheologiya znaniya [Archaeology of knowledge]*. Kiev: Nika-tsentr, **1996**.

Received 02.12.2015.